

**Модальный план и авторская модель мира
(на материале романов И.А. Гончарова)**

Несмотря на то, что современная филологическая наука располагает достаточным количеством авторитетных работ по лингвистике текста (Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, Г.А. Золотова, Г.П. Немец, Н.Е. Петров, И.П. Распопов, З.Я. Тураева и др.), в которых определены принципы исследования текста, лингвистический аспект по-прежнему представляет особый интерес для исследователей.

Сегодня в области науки о тексте существует два направления исследований: собственно лингвистика текста и нарратология. Первое направление ставит задачу описания текста как цельного и связного речевого произведения на всех его уровнях. Задача второго – максимально приблизиться в понимании к тому, что стремился высказать автор потенциальному читателю. В нарратологии особую актуальность приобретают понятия «модальный план» и «авторская модель мира».

Трактовка модальности в современной лингвистике необычайно широка, существует множество различных концепций. Видимо, сама природа модальности настолько противоречива и оригинальна, что еще долго будет «оставаться книгой за семью печатями» [Тураева, 1994, с. 3]. Наиболее неизученным и перспективным остается вопрос способов выражения модальности в художественном дискурсе.

По мнению многих исследователей, модальность в художественном тексте может выступать в тесной связи с понятием точки зрения, субъектом повествования, реализацией авторского «я», вопросами вербализации авторской модели мира и т.д. Различные модальные синтаксические конструкции могут рассматриваться с позиции присутствия / отсутствия автора-повествователя и могут выражать эмоциональное состояние персонажей.

В художественном тексте средствами модальности организуется субъектная перспектива конкретного высказывания в контексте особой коммуникативной ситуации, где говорящего и слушающего заменяют соответственно нарратор и читатель. Учитывая множество противоречий, возникающих при трактовке особенностей выражения значений модального плана в художественном тексте, ее исследование представляется актуальным. Цель данной статьи – определить роль модального плана в реализации точки зрения говорящего в художественном тексте. Материалом исследования послужили романы И.А. Гончарова, основным критерием отбора – возможность выделения в анализируемых нами художественных текстах эксплицитного и имплицитного содержательного компонентов модального плана.

Разграничение эксплицитного и имплицитного модальных элементов высказывания позволяет читателю наиболее полно раскрыть ту информацию, которая

предназначена для понимания, и тем самым выявить коммуникативные интенции говорящего. Под эксплицитным модальным планом следует понимать явный смысл высказывания, формирующийся посредством взаимодействия прямых значений тех компонентов, которые входят в состав высказывания. Под имплицитным модальным элементом высказывания – значение, скрытое в информативном плане, но предназначенное для сообщения содержание.

Для сравнения приведем пример субъективного модального плана, имеющего эксплицитно выраженное значение непонимания: – *По-вашему, и чувством надо управлять, как паром, – заметил Александр, – то выпустить немного, то вдруг остановить, открыть клапан или закрыть. – Да, этот клапан недаром природа дала человеку – это рассудок. – Нет, дядюшка, грустно слушать вас!* [Гончаров, 1975, с. 71]. А в следующем контексте прямое значение вопроса, выраженное в высказывании *Где же тут человек?* заменяется значением непонимания, выраженным имплицитно: *В десять мест в один день – несчастный! – думал Обломов. – И это жизнь! – Он сильно пожал плечами. – Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается? – заключил он, перевертываясь на спину и радуясь, что нет у него таких пустых желаний и мыслей, что он не мыкается, а лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой* [Гончаров, 1979, с. 42]. Здесь прямой, эксплицитный смысл высказывания теряется, смещаясь к риторическому вопросу, не требующему ответа. При этом вопросительная интонация способствует и выражению имплицитного смысла данного высказывания: недоумение, желание оставаться в своем узком мире.

Содержание речевой ситуации как продукта взаимодействия между говорящим и слушающим субъектами заключается в обмене участниками коммуникативного акта определенными высказываниями, отражающими широкий и разнообразный спектр интенций и замыслов говорящего. Поэтому при интерпретации высказывания необходимо учитывать контекст и речевое окружение, в котором было употреблено данное высказывание. В качестве примера приведем следующий диалог:

– Ты чего-то ищешь? – сказал дядя.

– Я ищу другое письмо... к Софье.

И дядя стал искать.

– Где же оно? – говорил Петр Иванович...

– Дядюшка! Что вы наделали? Ведь вы им закурили сигару! – горестно сказал Александр и поднял обгорелые остатки письма.

– Не-уже-ли? – воскликнул дядя, – да как это я? и не заметил; смотри, пожалуй, сжег такую драгоценность... [Гончаров, 1975, с. 57].

В приведенном контексте выделенное словосочетание приобретает имплицитный модальный оттенок, отражающий особенности характера одного из персонажей. Ироничный модальный подтекст в повествовании наблюдается в те моменты, когда герои пытаются вписать живую жизнь в свои придуманные схемы, игнорируя явления, выходящие за пределы их сознания.

Модальный план может выражать чувство негодования, возмущения, обиды, недовольства:

– Дядюшка! – неистово закричал Александр, схватил его за руку, но поздно: комок перелетел через угол соседней крыши, упал в канал...

Александр молча, с выражением горького упрёка, смотрел на дядю...

– Что?

– Как назвать ваш поступок?

– Бросанием из окна в канал незначительных знаков... и пустяков...

– **Пустяков, это пустяки!**

– А ты думал что? – половина твоего сердца... [Гончаров, 1975, с. 52].

Обида персонажа касается качества жизни – качества объекта: только через соприкосновения, часто через мучительные столкновения с жизнью личность обретает полноту своего бытия. Взаимосвязь планов обоих персонажей в процессе речевого общения может быть определена как двустороннее взаимодействие, ядром которого является высказывание.

Субъективный модальный план включает в себя не только эмоциональные оттенки высказывания, но и различные грамматические средства выражения эмоциональной реакции: вводные единицы, специальные модальные частицы для выражения неуверенности (*вроде*), предположения (*разве что*), недостойности (*якобы*), удивления (*ну и*), опасения (*чего доброго* и др.); междометия (*ох, увы* и др.) и т.д. Формированию значения модального плана способствует и специальная интонация для акцентирования различных эмоций. Например, в следующем диалоге:

– Что, проводил своего благодетеля?

– Проводил. Что же?

– **Хорош благодетель!** (то есть совсем не благодетель. – Е. Х.) – ядовито продолжал Тарантьев.

– А что, тебе не нравится?

– Да я бы его повесил! – прохрипел Тарантьев [Гончаров, 1979, с. 495] – выделенная конструкция несет в себе эмоцию глубинного, скрытого чувства злобы, ненависти.

При помощи конструкции «какой + имя существительное» могут быть выражены противоположные по наполнению эмоциональные субъективные модальные планы. Проиллюстрируем сказанное следующими примерами:

1. – Ох, уж мне этот Александр: он у меня вот где сидит! – сказал Петр Иванович, показывая на шею. <...> Шесть лет возжусь с ним: то он расплачется – надо утешать, то поди переписывайся с матерью.

– В самом деле, бедный! Как это достает тебя? **Какой страшный труд:** получить раз в месяц письмо от старушки и, не читая, бросить под стол или поговорить с племянником! [Гончаров, 1975, с. 107].

В приведенном контексте определительное местоимение *какой* в сочетании с прилагательным *страшный* и существительным *труд* приобретает имплицитный ироничный модальный оттенок.

2. – Здравствуй, Илья. Как я рад тебя видеть! Ну, что, как ты поживаешь? Здоров ли? – спросил Штольц. – **Какое здоровье!** – вздохнув, сказал Обломов [Гончаров, 1979, с. 481] – выделенное словосочетание употреблено в значении ‘плохое здоровье’.

3. – Вы от Веры теперь? – спросила она наконец. – Как она? Она, кажется, здорова, покойна... – Татьяна Марковна вздохнула. – **Какой покой!** [Гончаров, 1980, с. 645] – выделенная конструкция передает состояние волнения, душевного переживания героини – то есть нет никакого покоя.

4. – Что вы скажете? – спросила она выразительно. – Ах, **какая икра!** Я ещё опомниться не могу [Гончаров, 1980, с. 364] – здесь значение высказывания *какая икра* несет в себе значение искреннего восхищения вкусовыми качествами продукта.

Итак, на изменение коммуникативной ситуации в художественном тексте в первую очередь реагируют единицы области субъективного модального плана, которые содержат отсылку к говорящему субъекту. К сфере субъективного модального плана можно отнести самый разнообразный круг значений: ‘утверждение’, ‘вопрос’, ‘побуждение’, ‘отрицание’, а также выражение различной степени уверенности говорящего в достоверности знаний об объекте речи. Среди основополагающих факторов, формирующих значение субъективного модального плана, следует назвать контекст, коммуникативные намерения говорящего и особенности трактовки получаемой информации слушающим.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.

Балли Ш. Французская стилистика. М., 2001.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Немец Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке: монография. Ростов н/Д, 1991.

Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности: монография. Новосибирск, 1982.

Распопов И.П. Заметки о синтаксической модальности и модальной квалификации предложения // Синтаксис и интонация. Вып. 2. Уфа, 1973.

Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3.

Источники

Гончаров И.А. Обыкновенная история. М., 1975.

Гончаров И.А. Обломов. М., 1979.

Гончаров И.А. Обрыв. М., 1970.